

С. В. Пахомов

«Путь с сердцем»¹

*Мир полон таинственных сил, и мы –
беспомощные существа, окруженные
непостижимыми и неумолимыми силами.*

К. Кастанеда, «Особая реальность»

История западного духа знала периоды, когда стихия иррационального отступала под натиском критического мышления. Одна из таких «волн» пришлась на XVII столетие. В начале этого века ренессансную картину мира начали сменять представления, сформировавшие основу более «земного» новоевропейского сознания. Постепенно стали забываться традиционная аналогия микро- и макрокосма, увлечение герметизмом и «математической каббалой», меньший интерес вызывали теория «гармонии сфер» и практика алхимического «делания». Магико-окультурные и мистические настроения резко пошли на спад и исчезли с мировоззренческой авансцены Нового времени – казалось бы, навсегда. Впереди Запад ожидало Просвещение, которое, в свою очередь, подготовило научную революцию XIX в. и «эру позитивизма», после чего обращаться к исследованию феноменов, не пропускавшим ясный свет научного разума, означало уже жертвовать ученой карьерой ради сомнительных лавров маргинальной традиции.

Тем не менее магия и мистика не покинули пространство западной культуры. Они затаились на время, периодически прорываясь сквозь символику и темный язык, изгибы бессознательного и «социальную практику». XX век нанес линейной строгости декартовых координат сокрушительный удар, и реабилитация иррационального, которое, как оказалось, несло в себе глубинный положительный смысл человеческого существования, частично повлекла за собой также и оправдание магического взгляда на вещи. После же того, как в этом взгляде уловили своеобразные философские прозрения, они приобрели особую привлекательность. Так случилось, что в кардинальном пересмотре прежней научной и, шире, культурной парадигмы магико-шаманская составляющая заняла важное место.

...1968 год стал знаковым не только в политическом отношении. Произошло событие и в сфере духа, имевшее немалые последствия для становления феномена, который позже назовут «Новой Эпохой» – New Age. Издательство Калифорнийского университета выпустило книгу некоего Карлоса Кастанеды под интригующим названием «Учение донна

¹ Предисловие к книге: *Кастанеда К. Учение донна Хуана. Путь познания индейцев племени яки.* СПб.: Азбука, 2001. С. 5 – 28 (совместно с Е. А. Торчиновым).

Хуана: путь знания индейцев яки». Успех ее оказался фантастическим: за короткий срок было продано 300 тысяч экземпляров. По-видимому, этот успех вдохновил автора на издание целой серии книг, посвященных различным аспектам пути духовного восхождения. В течение следующих, без малого тридцати лет, вышло еще с десятков книг «спиритуального сериала», и каждую ожидали успех и популярность. Они были переведены на 17 языков. Со временем «мир Кастанеды» перерос его создателя; в него вовлекались все новые и новые персонажи и авторы, не всегда знакомые «автору №1», а то и откровенно враждебные ему. И чем шире расходились произведения из «мира Кастанеды», чем больше становилось кружков и групп, изучавших «наследие древних толтеков» и практиковавших «магические пассы», тем больше возникало вопросов к главному автору этих увлекательных сочинений. Впрочем, уже с момента выхода в свет «Учения дона Хуана» и читателей, и критиков интересовало то, кем является он сам. Кто этот Карлос Кастанеда?

Внешняя канва жизни Карлоса Сезара Араны Кастанеды известна удручающе мало. Но и то, что известно, переплетается с двусмысленностью и мистификациями, возникновению которых часто способствовал он сам. Самый факт рождения будущего великого мистика выглядит как «путешествие во времени»: с одной стороны, считается, что он родился 25 декабря 1931 г. в Сан-Паулу, Бразилия; с другой, в иммиграционных документах, которые Кастанеда оформлял при въезде в США, записана другая дата – 1925,² и другое место рождения – Кахамарка, Перу. Приводились и иные свидетельства о его рождении - 1915, конец 1930-х гг. Трудно сказать, чем он занимался до приезда в Северную Америку. Собственно говоря, окутано туманом и его пребывание на новом месте жительства. Известно, что учился в Сан-Францисском колледже, прослушав там курсы по творческому письму и журналистике, потом поступил в 1955 г. в Калифорнийский университет (Лос-Анджелес), через семь лет стал бакалавром по антропологии. В 1973 г. защитил диссертацию на ученую степень доктора антропологии. Преподавал антропологию в университете, был также учителем в Беверли-Хиллс. По всей видимости, был женат, хотя сам категорически это впоследствии отрицал; имел ребенка. Практически до последних лет своей жизни вел жизнь затворника, избегал излишнего внимания к своей персоне, не общался с прессой. Никто не знал, где он жил, чем занимался. Лишь с середины 90-х Кастанеда вышел из тени, стал активно участвовать в организации практических семинаров и давать интервью различным изданиям. Эта активность, однако, продолжалась совсем недолго: Карлос Кастанеда знал, что очень скоро он « сольется с бесконечностью». 27 апреля 1998 г. он умер у себя дома в Вествуде (Калифорния) от рака печени и кремирован; прах

² Эта дата считается наиболее достоверной.

его упокоился в Мексике. О его смерти было официально сообщено только через два месяца, что, в общем-то, неудивительно, принимая во внимание некоторые особенности его образа жизни. Так, например, Кастанеда запрещал себя фотографировать и записывать свой голос на пленку; эти запреты находились в созвучии с его теорией стирания «личной истории», согласно которой человек, желающий обрести внутреннюю свободу, должен намеренно погрузить факты собственной жизни в «туман», чтобы ускользнуть от знаний и мнений, которыми обладают относительно его окружающие люди. С другой стороны, Кастанеда в этом похож на типичного мага, тщательно следящего за тем, чтобы обрезки его волос и ногтей не попали в поле зрения посторонних лиц: и там, и здесь налицо феномен симпатической магии, которая устанавливает аналогии между человеком и тем, что от него исходит или остается. Воздействие на брошенные остатки волос (или на записи магнитофона) со стороны кого-то, кто враждебно относится к их носителю, может быть чревато для настоящего мага серьезными опасностями.

В становлении «мифа Кастанеды» основную роль сыграл сам Кастанеда; однако вряд ли он сумел бы сохранить собственный миф на высоком уровне без негласной поддержки восторженных почитателей. Наверное, если бы туман, который он напустил на себя, был более прозрачен, «крестный отец» New Age не вызывал бы к себе столь нездоровый интерес. Однако стоит признаться, что эта жизнь, прожитая как бы на обочине обыкновенной социальной жизни, выстроена с редкостным артистизмом. Кастанеда заставил весь мир поверить в то, что его *истинная* жизнь совпадает с той, что была описана им в его книгах; что тот наивный, но напористый Карлос, который проходил долгий, двенадцатилетний курс ученичества у старого шамана по имени Хуан Матус, и антрополог Карлос Кастанеда, читавший лекции в академических учреждениях, суть одно и то же лицо. Понятно, что в этом случае изложенное в его сочинениях становится не столько художественным приемом, сколько строгим дневниковым описанием собственного необычного опыта. Приехав к дону Хуану с целью набраться познаний о галлюциногенных растениях и, в целом, провести антропологические полевые исследования, он сам становится объектом своего же исследования, трансформируется из постороннего наблюдателя в искателя совершенства.

Не своими академическими штудиями прославился Кастанеда, а именно этой серией необычных книг, исполненных захватывающего, приключенческого духа. Главными героями этих книг стали он сам и его наставник дон Хуан. Трудно определить жанр, в котором написаны эти книги: он не укладывается в привычные рамки ни «романа про индейцев», ни детектива, ни документальной повести. Антрополог Ричард де Милль, в целом иронически относящийся к писаниям Кастанеды, назвал их

«антропозэтическим триллером». Но как бы это ни называть, перед нами повествование о духовном пути человека, страстно жаждущего обрести свободу и подлинные знания на «пути война», «пути с сердцем». Идущего по этому пути подстерегают многочисленные опасности и искушения; его пытаются уничтожить, лишить силы, благодаря которой он добивается и удерживает у себя эти знания. На этом пути воин предоставлен самому себе, он абсолютно одинок. Люди в своей массе не понимают того, что он делает, их страшат миры, в которые ему приходится забираться. Да и наставник не может вечно контролировать его поступки. Ему не на что положиться, кроме как на свои знания и опыт. Ситуация осложняется тем, что воин в своем бесконечном странствии стремится использовать мощь сверхъестественных существ, которых он называет *гуахо*, «союзники»; проигрывая этим существам в силе, но выигрывая в хитрости и ловкости, воин старается приспособиться к ним и заставить их служить своим интересам. Эти «силы» подобны диким зверям в аттракционе дрессировщика: малейшая невнимательность, оплошность – и дикость вырывается наружу, звери могут растерзать своего хозяина. Так и «союзник»: он только и ждет удобного момента, чтобы отыскать слабины в безупречной воинской защите и наброситься на воина. Приручение их требует предельной собранности и огромного мужества. Если это произошло, наградой воину будет сила, которой наделен «союзник». Дон Хуан говорит, что «гуахо нужен, чтобы укреплять жизнь человека, направлять его действия и углублять знания. Гуахо оказывает неоценимую помощь в познании». Здесь действуют вполне прагматичные, расчетливые отношения, построенные на принуждении и страхе и предохраняющие воина от того, чтобы давать осечку, ибо за нее он может заплатить собственной жизнью. Осознанность, понимание и отвага – вот основные элементы воинского «снаряжения».

Но еще не скоро вступивший на путь воина достигнет такого состояния духа, в котором он сможет действовать совершенно свободно и естественно, опираясь на помощь «союзников» и не привязываясь к человеческим мнениям и условиям жизни. Ему придется пройти через нелегкий подготовительный период под руководством опытного наставника-мага. Кастанеда подробно описывает свои «университеты», которые он проходил у дона Хуана.

Редкое издание на тему «пути война» обходится без выяснения вопроса о том, является ли личность дона Хуана реальной или нет. Несомненно, подобные споры небеспочвенны, поскольку от решения вопроса о бытии или небытии этого мастера зависит в целом вопрос о ценности изложенной в трудах Кастанеды системы знаний. Если дон Хуан в реальности не существовал, значит, он целиком и полностью является продуктом воображения талантливого мистификатора, который использовал свои познания в этнографии для того, чтобы правдоподобнее

обрисовать вымышленную ситуацию ученичества у сильного мага и с прибылью продать ее³. Если же существовал, тогда опыту Кастанеды можно доверять и использовать его как руководство к действию, как путь, ведущий к истине.

Хотя сам Кастанеда настойчиво уверял всех в реальности своего учителя и даже демонстрировал авторитетным людям (скажем, американскому этномикологу Г. Уоссону) свои ученические полевые заметки, остается еще немало спорных моментов. Многочисленные критики Кастанеды находили хронологические нестыковки в его произведениях, упрекали за «ненаучные» подходы к теме, за литературизацию образа дона Хуана, который на глазах, от одной книги к другой, превращался из лукавого безграмотного индейца в талантливого мыслителя и эрудита, изъяснявшегося подобно оксфордскому профессору. Слишком уж совершенным он выглядел, слишком выпадал из контекста традиционной культуры индейцев яки и уж слишком все это походило на идеализацию условных взаимоотношений между учеником и учителем, собранных «с мира по нитке», со всех традиций, как Запада, так и Востока.

Соглашаясь со всем этим, однако, Карлос Кастанеда упрямо стоял на своем. Впрочем, некоторые ценные обмолвки на сей счет он все же делает. В «Путешествии в Икстлан» (1972), третьей по счету книге сериала, он устами дона Хуана сообщает, что «воину все равно, правда или вымысел то, с чем он сталкивается, а для обыкновенного человека это очень существенно»⁴. Другими словами, неважно, существовал ли дон Хуан или нет, если решающее значение имели внутренние переживания человека, вошедшего в «мир дона Хуана». С этим, кстати, вполне солидаризируется феноменологический метод отношения к действительности, и сам Кастанеда неоднократно заявлял о своей приверженности ему; сущность этого метода в самых общих чертах как раз и состоит в изучении сознания, воспринимающего и переживающего те или иные данности. Интерес представляют не объекты «как таковые», но объекты как они «даны» нашему сознанию. Очевидно, что при такой постановке вопроса проблема реальности оборачивается двумя аспектами иной проблемы: а) кто такие те, кто переживают нечто, называемое реальностью и б) что переживается при этом?

Когда Карлос впервые пробует галлюциноген, сделанный из кактуса пейота («пейотля» в нашем издании), он видит существо, встреча с которым очень важна и для него самого, и для дона Хуана. Эта встреча (она описывается в «Учении») становится знаком к началу обучения. Существо, которое дон Хуан назвал Мескалито, выглядело как светящаяся

³ Подобная ситуация, по-видимому, возникла у нас в России несколько лет назад, когда прилавки заполнили книги о некоей девушке Анастасии, которую автор этих книг, Мегрэ, якобы повстречал в «диких сибирских лесах».

⁴ Перевод Т. Тульчинской.

собака, и эта собака приветливо позвала Карлоса поиграть. Для ученика эта игра стала потрясающим внутренним переживанием, в реальности которого он не усомнился ни на минуту. Однако индейцы, наблюдавшие за ним, видели перед собой только необузданного, сумасшедшего человека, который вдруг сбросил с себя одежду, завыл и стал гоняться за местной собакой, а та от него в страхе удирала. Разумеется, Мескалито эти индейцы и не видели. Тем самым мы сталкиваемся с ситуацией некоей раздвоенности реального мира. Что же, в конце концов, истинно? Могущественное существо, принявшее форму собаки, или какой-то шелудивый пес, путающийся под ногами? Хитрый старик индеец, непреклонно шествующий по пути знания, или фантом, созданный расстроенным воображением человека, накачанного «зельем»?

Несомненно, что на эти непростые вопросы каждый отвечает самостоятельно. Сам Карлос Кастанеда ответил на них своим вступлением на путь знания. Даже если этого вступления не было «на самом деле» - по крайней мере, теоретически, в своих трудах Кастанеда принимал ценность глубинного преобразования собственной жизни. Именно в этом и заключается его своеобразие как исследователя. Если традиционный ученый привык отделять предмет своих изысканий от страстей своей души, подчеркивая «объективность» научного поиска, «не зараженного» личными склонностями, то ученый новой формации, к которой принадлежал Кастанеда, и не только он один, пропускает объект исследований сквозь собственное сердце; он *себя* самого ставит в центр своих изысканий. Научный и духовный поиск соединяются здесь в одно целое.

Притягательность книг Кастанеды, возможно, состоит в его стремлении максимально точно зафиксировать все извивы испытанных переживаний, все нюансы знания, придать им видимость документальности. Он датирует все свои встречи с доном Хуаном, записывает все, что с ним происходит, чем вызывает насмешки со стороны учителя. А дон Хенаро, друг дона Хуана и такой же сильный *брухо* [колдун] как и он, вышучивает стремление Карлоса все записывать тем, что неожиданно встает с ног на голову: подобно тому, как нелепо существовать стоя на голове, нелепо считать, что можно научиться магии, занимаясь описанием магических трюков. Однако в силу своей рациональной привычки все классифицировать Карлос пытается осмыслить порядок магических вещей именно таким образом; он хочет познать как можно более полно, хотя еще долго не может понять и принять, что эта полнота не укладывается в рамки одного лишь рационального, категориального познания и что понимание неизбежно относительно, зависит от негласных соглашений, бытующих в обществе.

Рациональное понимание противоположно *виденью*, проблематика которого занимает одно из центральных мест в мистическом сериале

Кастанеды. Намекнув на *виденье* в первом произведении, автор подробно разбирает его в «Особой реальности» (1971). Неслучайно, конечно, он выделяет это слово курсивом или кавычками: подобный феномен явно не похож на обычное смотрение обычными человеческими глазами. Настоящее *видение* происходит в «трещине между мирами», т. е. миром обычных человеческих отношений и миром сверхчувственным, магическим. *Видящий* испытывает совершенно иные ощущения, чем в повседневной реальности. Причем поводом для *видения* могут стать совершенно тривиальные вещи, например, тени от двух камешков или текущая в канаве вода. Для *видения* зрение не обязательно: можно *видеть* также и ушами – тогда ты слышишь «дыры», возникающие в многообразных звуках «вещей мира». «Тени», «дыры» позволяют видящему подняться на такой уровень восприятия, на котором он ощущает единство и целостность всего мира. Все оказывается пронизанным энергией («линиями мира»), все оказывается живым, таинственным, непонятным. *Видение* как будто показывает человеку всю ограниченность его человечности и безмерность того, что его окружает. В конечном счете это ведет к пониманию равенства вещей: в этом мире сверкающих «линий» и переливающихся энергий ни одна из вещей не выглядит более значительной, чем другая. Здесь все одинаково важно, будь то былинка, букашка, койот или человек. При чтении первых книг Кастанеды даже трудно отделаться от ощущения, что во многом представители растительного и животного царств лучше понимают истину, чем «царь земли», который настолько укоренился в своем ограниченном мире, что не в состоянии «раскрыть глаза» на подлинное положение вещей. «Люди плохо знают мир, в котором живут. Любой койот знает куда больше», не без ехидства замечает дон Хуан.

С позиции *видения* каждый человек виден как «светящееся яйцо». Дон Хуан поясняет ученику: «Люди как бы сотканы из волокон света, вроде белой паутины. Очень тонкие нити, струящиеся от головы к пупку и обратно. Человек похож на яйцо из подвижных световых нитей. Его руки и ноги – пучки лучей... Человек тесно связан со всем окружающим, но касается окружающих вещей не руками, а длинными волокнами, исходящими из живота. Волокна поддерживают человека в равновесии, придают устойчивость». Подобное *видение* человека влечет за собой и особое отношение к нему: раз эта «яйцеобразность»⁵ представляет собой истинную природу человека, то это значит, что человек (обычный) кардинальным образом измениться не способен. Таков ответ на благие порывы Карлоса, который поначалу думает о том, как «облегчить участь своим ближним». Бессмысленно ратовать за «спасение» человечества,

⁵ В других произведениях Кастанеда употребляет схожие термины: «кокон», «сфера» и др.

заниматься социальным реформаторством: все это пустое. Царь ничем не лучше бедняка: оба они суть «светящиеся яйца» и рано или поздно разделят участь всего живого на земле.

Впрочем, дон Хуан не проповедует индивидуализм; единственное, что занимает его – это «путь воина». От обычных людей воина отличает тщательно выверенная стратегия своего образа жизни. В его жизни нет ничего случайного и неопределенного, ничего лишнего и привязывающего. Воин всегда знает, что и как ему нужно делать или не делать. Способ подобной жизни, который позволяет воину существовать наиболее правильным образом, дон Хуан именует «безупречностью». Воин *обязан* быть безупречным, если хочет сохранить в целостности свою жизнь и достичь поставленных целей. Безупречность есть, во-первых, постоянное осознание ситуации, «сканирование» ее наилучшим образом, молниеносное просчитывание вариантов, во-вторых, действие исходя из данной ситуации. Другими словами, надо действовать «здесь и сейчас», безукоризненно исполняя роль, которая тебе досталась – твоими ли усилиями или благодаря «социальному заказу». Безупречность – это умение быть естественным в любой ситуации, даже если все твое естество бунтует против подобного положения. Дон Хуан постоянно учит Карлоса «правильно вести себя», поскольку на кону стоит жизнь, уникальная и единственная. Он ругает его за случаи небезупречности, например, когда ученик от нечего делать заходит в какой-то трактир и участвует в забавах пьяных индейцев. Немного погодя Карлос чуть не становится жертвой женщины-колдуньи Каталины, и дон Хуан объясняет ему: ты вел себя небезупречно, а шутить с «силой» нельзя!

Понятие воина в том контексте, который использует Кастанеда, совпадает с понятием «маг». Дон Хуан постепенно вводит Карлоса – против воли последнего – в мир магии, мир причудливых, необычайных связей между феноменам, в мир, где с тобой пытается подружиться «чертова травка», а слепые ящерицы рассказывают о том, что происходит за тысячи миль. Судя по всему, Кастанеда не выделяет в магии «черную» и «белую» стороны. Кроме того, описываемая им магия вырвана из конкретной этнической традиции. Только начиная с четвертой книги («Сказки о силе», 1974) все чаще утверждается, что учение дон Хуана вписано в традицию неких «шаманов древней Мексики», действовавших на протяжении многих столетий. Однако и в этом случае данное «учение» выглядит не столько как выражение и обобщение религиозной культуры определенного этноса (толтеков), сколько как тщательно скрываемое эзотерическое наследие, которое резко отделяет себя от профанных представлений. Магия дон Хуана – своеобразная Касталия посреди мира чужеродного, враждебного: никому, в том числе самим индейцам, она не нужна. В «Учении» дон Хуан с горечью говорит ученику о том времени, когда он стал таким сильным (под влиянием «чертовой травки»), что убил

человека ударом кулака и перевернул тяжеленный валун, который не смогли сдвинуть с места два десятка человек. И что с того? Он добился лишь, что напугал этим своих односельчан. Повседневный мир самодостаточен; ему довольно и той «силы», которую он имеет. Магическая же сила страшит людей.

Понимая это, дон Хуан, стремясь сохранить преемственность своей линии, применяет к своему тяжеловесному ученику серию обманчивых уловок. Он завлекает его к себе постепенно: ведь мир война труден и опасен, и человек «здорового смысла» ни за что не согласится поменять на него привычные и предсказуемые условия своего существования. «Есть такое правило, - поясняет учитель, - человек знания должен заманить своего ученика в западню». Подобный способ, возможно, покоробит «нормальное» сознание, которое привыкло к более свободному выбору. Однако, как известно, «учитель появляется тогда, когда готов ученик», и можно сопоставить встречу Карлоса и дона Хуана с властным призывом «Следуйте за мной!», который бросил Иисус своим первым ученикам, превратив их из скромных ловцов рыбы в «ловцов человеков». И в том, и в другом случае, как бы ни различались в целом обе традиции, учитель подмечал в пришедших к нему людях ту степень духовной зрелости, которая могла сделать их хорошими учениками.

Когда Карлос впервые встретился с доном Хуаном на автобусной остановке, у него и в мыслях не было, что он станет учеником колдуна. Он считал, что сам делает честь темному индейцу, согласившись взять у него информацию о свойствах лекарственных растений. И не заметил, как оказался на крючке: «темный индеец» подцепил его необыкновенным гипнотическим взглядом, что заставило самоуверенного американца растеряться, а потом и отправиться к этому мастеру-«травнику» разбираться в том, что же с ним произошло. И с каждым месяцем втягивался в свое ученичество все больше и больше, пока сам не стал магом.

Ученик, появляясь у наставника, по большому счету не знает, чего же он по-настоящему хочет. Он смутно чувствует, что жизнь, которую он ведет, не вполне правильна, однако отказываться от нее поначалу не собирается. Требуется определенная хитрость учителя, чтобы ученик простился со своей прежней жизнью. Если хитрость удалась, то учитель незаметно заводит его настолько далеко, что оказывается, что обратной дороги уже нет. Либо смерть, либо знания; третьего не дано.

Поначалу Карлос имеет столь жесткую структуру мышления, что не может усвоить многозначную логику мага. Он все пытается объяснить «по-научному», подыскать рациональное объяснение совершенно непостижимым вещам. Зная, что это невозможно, дон Хуан расшатывает затвердевший внутренний мир ученика психотропными веществами, такими как пейот, дурман, «дымок». Принимая их, зачастую борясь со

страхом, Карлос приучается к мысли, что существуют иные пласты реальности, недоступные обычному восприятию.

Первые две книги Кастанеды отличаются от всех последующих как раз этим своим подчеркнутым интересом к наркотическому аспекту «пути воина». Впоследствии в «Колесе времени» дон Хуан невозмутимо назовет комплекс тех средств, которыми он вначале опутывал своего ученика, «псевдошаманским вздором»: «Занятия всей этой чепухой всегда развлекали меня... я обманывал тебя, удерживая твоё внимание теми предметами твоего мира, которые вызывали у тебя глубокий интерес... Все, что мне было нужно – твоё безраздельное внимание».⁶ Дон Хуан достиг своей цели; однако прием галлюциногенов не только оказал разрушительное воздействие на привычные стереотипы ученика, но и истощил его нервную систему. Карлос на два с лишним года покинул наставника. В интервью Кейту Томпсону⁷ (1994) Кастанеда признавался, что «за использование психотропных средств приходится платить – физическим и эмоциональным истощением. Мне потребовались месяцы, чтобы прийти в себя». «Придя в себя», ученик продолжил обучение, а дон Хуан стал постепенно смещать в нём акценты, поскольку «внимание» было уже окончательно завоевано. Но этому посвящены более поздние книги. Именно в них появляются и развиваются столь важные понятия кастанедовской системы, как «стирание личной истории», «намерение», «остановка мира», «сталкинг и сновидение», «точка сборки», «второе внимание», «нагваль и тональ» и многое другое; все большее место занимают женские персонажи и их «энергичный» приоритет над мужчинами. Наконец, появляется «группа дона Хуана», связанная с традицией «древних толтеков», и вводится ряд мифов, укрепляющих достоверность «хуанизма», если использовать терминологию Р. де Милля.

Ничего этого нет в предлагаемых читателю «Учении дона Хуана» и «Особой реальности», описывающих иные аспекты ученичества Карлоса за период более чем в десять лет. Тем не менее, было бы упрощением сводить все многообразие понятий и сюжетов этих произведений к одному лишь наркотическому эффекту. Книги Кастанеды как бы вырастают друг из друга, и, несмотря на то, что каждую из них можно читать как отдельное произведение, все они сцеплены одна с другой словно звенья единой цепи. Некоторые важные положения намечены уже в этих начальных книгах.

Так, в «Особой реальности» Кастанеда проводит различие между магией и *виденьем*. Он замечает, что «*видение* никак не связано с колдовством. Колдовство воздействует на окружающих; *видение* никак на них не влияет». Оказывается, для мага совсем не обязательно *видеть*; дело

⁶ Перевод К. Семенова и И. Старых.

⁷ Из журнала *New Age*, март-апрель 1994, переведено в: Мир Карлоса Кастанеды. Дайджест, №4. Киев, 1996. С. 35.

мага (и воина) – приобщение к «силе», что пронизывает весь мир. Обладание силой само по себе является достаточной ценностью. Маг как манипулятор силы находится на вершине незримой иерархии существ, в его руках власть, которую он может направлять по своему усмотрению. Однако «сила» – обоюдоострый меч, и он может быть направлен против самого мага. В известном смысле маг – пленник силы. Он абсолютно незащищен без нее, но приручить ее до конца никогда не может. За безмерную радость испытывать необычайные переживания, повелевая «союзниками» и отбиваясь от магических атак конкурентов маг платит привязанностью к той сфере, которая сначала дает ему силу на время, а потом отберет ее, когда придет срок.

Бессмертие в той или иной форме в ранних работах Кастанеды не предусмотрено. Здесь царит беспредельная экзистенциальная печаль, ибо мы неизбежно умрем, ибо смерть всегда с нами. Она «сидит с нами на одной циновке», слева; при известном умении можно различить, как она тенью скользит рядом. Карлос, ведя в темноте машину, замечает огни сзади, и дон Хуан равнодушно говорит, что это смерть нагоняет свою жертву. Она никогда не исчезает – просто иногда «гасит огни». Смерть, таким образом, понимается вполне вещественно: она, в сущности, тоже *сила*, которая стремится отобрать силу жизни у воина. И воин ценит свою смерть, поскольку именно она заставляет его находиться в постоянной «боготовности», быть непрерывно безупречным. «Все, к чему прикасается смерть, становится силой». Воин – человек, а это значит, что он обречен на смерть. Однако, в отличие от простых людей, воин не боится смерти (поскольку сжился с ее постоянным присутствием) и всегда готов встретить ее лицом к лицу. Он готов с высоко поднятой головой исполнить «пляску смерти», прежде чем «слиться с бесконечностью».

Таков высокий трагизм «пути воина», вечное балансирование на канате над пропастью небытия. И все-таки в этом трагизме не хватает настоящей мудрости. Воин отважен и непреклонен, в своем *намерении* он не отступает от намеченной цели – однако ему (если он не *видит*) недостает подлинного понимания происходящего. Правда, он интерпретирует все в терминах «силы», но не знает, что стоит в основе реальности. Для того, чтобы этот трагизм не приводил к глубинам отчаяния, магия силы должна быть уравновешена магией сознания. Идущему по «пути с сердцем» полезно научиться *видеть*, хотя бы того, чтобы понять, что в этом мире нет никаких абсолютных ценностей: все одинаково и равновелико. «*Виденье* рассеивает иллюзии победы, поражения и страдания». Далее, «когда человек *видит*, ему не нужно быть воином или еще кем-то, он видит вещи такими, каковы они есть, и сообразно этому направляет свою жизнь». Последнее замечание довольно любопытно, поскольку ставит статус воина явно ниже статуса *видящего*: воин не знает действительного положения вещей. Уровень воина в каком-

то смысле служит для очистки сознания от всего ограниченного, неправильного, мешающего истинному постижению. Когда поле расчищено, наступает стадия *видения*.

Трагизм смерти перестает иметь значение для *видящего*. Поскольку *виденье* есть поле абсолютного неразличения, недвойственности вещей, «жизнь» здесь ничем не отличается от «смерти». *Видящий* не борется за свою жизнь; она утрачивает свой целеустремленный характер: незачем чего-либо добиваться и от чего-то обороняться, если достаточно просто сместить угол зрения и *увидеть*. Кастанедовское *видение* очень напоминает традиционное ясновидение. С его помощью дон Хуан *видит*, как юный Карлос расставляет ловушки для поимки белого сокола или обещает никогда не побеждать из-за травмы маленького мальчика по имени Хоакин. С помощью *виденья* можно также *увидеть* и *виденье* (как некое свечение) в структуре «яйца» другого человека: *виденье*, как и все остальное в системе Кастанеды, имеет отчетливый материальный характер. Опытные *видящие* способны *видеть* то, насколько способны к *виденью* другие люди. Сам Кастанеда, по его собственным словам, владел искусством *видения* – чего нельзя сказать о его двойнике Карлосе, чья негибкая «тупость» и неумение *видеть* часто огорчали дона Хуана.

Если сила дает человеку власть и победу, то *виденье* дарует ему свободу. *Видящий* перестает зависеть от мира. Если победу мага можно обратить в поражение, если жизнь рано или поздно превратится в смерть, то *виденье* всегда находится у *видящего*, оно неизменно и постоянно. Оно целиком зависит от самого *видящего*, его не отберешь так, как можно отобрать, скажем, ту же «силу». *Виденье* есть высший уровень сознательного существа в ранних сочинениях Кастанеды.

Благодаря различению *виденья* и магии выстраиваются два ряда параллельных понятий. С одной стороны, мы встречаем волю, искусность воина-мага-шамана, постоянное давление смерти, борьбу, стратегию, «союзников». Этот ряд окрашен мощными экзистенциальными настроениями, он очень эмоционален. С другой стороны, мы имеем *виденье*, «контролируемую глупость», свободу, отсутствие борьбы и эмоциональной насыщенности. Имеет смысл назвать второй ряд феноменологическим, поскольку в нем сильна тенденция редуцировать все «естественное» многообразие мира к восприятию его «очищенным» от категориального хлама сознанием. При чтении книг (особенно начальных) Кастанеды, как мне кажется, полезно учитывать эту двойственность, иначе не совсем понятна наполненность некоторых постоянно повторяющихся терминов, например, «воин» или «сила».

Благодаря этому различению проясняется и разница между Мескалитом и «союзником». Единственное, что роднит их – принадлежность к миру духов. Дон Хуан выделяет три типа духов по отношению к связке «знание-сила». Есть духи, бесполезные для воина. Это «тени», мелькающие рядом с

нами, от них не выудишь ничего стоящего. Есть духи злобные, которые любят пугать людей. Они обожают селиться в жилых домах и их пребывание там отравляет людям существование. Наконец, есть настоящие «союзники», к которым надо идти самостоятельно, ибо живут они в местах безлюдных и далеких. Именно эти «союзники» способны наделить отважного воина тем, что его больше всего манит – силой. Конечно, это наделение не проходит без борьбы: «союзник» испытывает воина на прочность. «Дух может устроить воину настоящее испытание. Например, возникнет перед ним в жутком облике или схватит сзади и пригвоздит к земле. Или повалит на него дерево». Кастанеда захватывающе описывает несколько драматических встреч с «союзником», во время которых пережил нечто совершенно необычайное и пугающее. Как это ни парадоксально, ищущий силу должен уже обладать некоей силой, тогда он сможет выстоять в этой схватке и приумножить то, что он имеет.

В отличие от «союзника», Мескалито, этот «пейотный дух», скорее относится к миру мистики, чем магии. Он непредсказуем, неуловим. Его не вызовешь заклинаниями, угрозами и посулами. Хотя его появление связано с особым наркотическим состоянием, нельзя предвидеть, в каком виде он появится. Ему сложно понравиться, но если это происходит, Мескалито щедро делится своей поддержкой. Так, он может даровать «пейотную песнь», которая защитит в минуты опасности. Он подсказывает важные знания, с его помощью воин ближе подходит к пространству свободы. Но, прежде всего, Мескалито показывает, как правильно жить. Поскольку «правильная жизнь» зависит от обретения *виденья*, Мескалито становится «гидом» на пути к истине *виденья*. В последующих книгах этот персонаж упоминается все реже и реже, пока, наконец, в «Колесе времени» его не отнесут небрежно к «псевдошаманскому вздору», необходимому в первые года обучения Карлоса. Тем не менее, в начальных книгах отношение к этому «духу» вполне серьезное, почти благоговейное. Так относятся к божествам, и чувствуется, что подобное отношение к «пейотному духу» Мескалито явно восходит к чрезвычайно архаичным временам, возможно, временам «древних толтеков». Однако из некогда могущественного божества Мескалито со временем стал просто уважаемым наставником, который «разговаривает с тобой и направляет твои поступки». Интересно, что Мескалито можно видеть, поскольку он находится вне человека (хотя эта «внешность» не осознается до момента употребления пейотного батончика), а «союзников» – нет, ибо они скрываются под формами обычного мира, в том числе под видом человека, и только *видящий* знает, что внутри этих форм затаилась пустота. Лишь по этой пустоте и можно догадаться, что перед нами – гуахо.

Помимо эффекта снятия экзистенциальной напряженности, *виденье* выполняет и полезную социальную роль. С одной стороны, *видящий* – все-таки человек, и человек активного действия. С другой стороны, внешняя

логика *виденья* не располагает к активным поступкам: стоит ли вообще двигаться с места, если все едино, все равно?! Ловушки «трансцендентальной лени» помогает избежать вводимое Кастанедой понятие «контролируемой глупости». Исходным пунктом этого понятия является признание того, что *все* люди глупы. Сама смертная их природа препятствует им воспринимать более глубокие слои реальности. Иначе говоря, «глупость» – ситуация положения человека-в-мире, а не просто психологическое состояние, которое можно исправить приобщением к некоей «умной» информации. «Глупость» не зависит от качества образования и воспитания. От глупости невозможно скрыться: единственное, что мы можем делать, это лишь переходить от одной глупости к другой. Однако воин может *осознавать* свою глупость, как он осознает все прочее, *контролировать* ее. По большому счету, путь воина ничем не лучше пути обычного человека; лишь качество осознанности и стратегичности отличает его. Путь воина оказывается «контролируемой глупостью»: воин может жить, может умереть – ничто не имеет для него глобального значения; однако, что бы он ни избрал, он это уже не отбросит. Самый факт выбора воином какого-то одного варианта пути среди прочих говорит о том, что он добровольно, зная о конечной бессмысленности этого, принимает решение следовать своему выбору во что бы то ни стало. Пусть это не имеет значения, он выбрал, и это будет. Термин «контролируемая глупость» хорош также и как хитрая уловка, она применяется для того, чтобы ученик, вступающий на путь, не очень много мнил о себе, ведь в этом случае он ничем бы существенно не отличался от обычных глупцов, которые слишком серьезно относятся к собственному суевливному бытию в этом мире.

По поводу этого бытия люди ведут непрерывный «внутренний разговор». Даже когда мы находимся одни, без друзей и родных, нечто в нас продолжает пережевывать жвачку повседневных хлопот и занятий, нечто грезит, говорит, болтает. Человек вроде бы бодрствует, однако на самом деле состояние его сознания мало чем, в сущности, отличается от состояния сна. Именно это имел в виду другой наставник, имевший много общего с Кастанедой, Георгий Гурджиев, который считал, что человек на самом деле является «машиной». Человек не осознает того, что с ним происходит, не понимает себя и других. А все потому, что он «спит», ведет бесконечный «внутренний разговор». Этот «разговор» препятствует человеку увидеть, что мир не вписывается в привычные категориальные схемы, что он таинственен и непостижим. Познание, к которому стремится воин, предполагает «выключение» антропоморфных настроений с целью проявления мира во всей своей полноте.

Мы никогда не сможем до конца понять, что такое мир: чем дальше идет воин по своей дороге «в Икстлан», тем шире и непостижимее становится мир; но и те возможности, которые он открывает перед

растущим сознанием, становятся тоже почти неограниченными. «Путь с сердцем, - объяснял Кастанеда Кейту Томпсону, - не есть дорога непрерывного самоанализа или мистического полета, это путь привлечения радостей и печалей мира. Этот мир, где каждый из нас связан на молекулярном уровне с любым другим удивительным и динамическим проявлением существования – *этот* мир является охотничьим угодием воина».⁸ Это очень примечательные слова. По существу, оказывается, что нет никакого «мира идей» в платоновском смысле слова, нет гностической Плеромы; да и Бога-Творца, в принципе, тоже нет. Не существует ничего вне *этого* мира. *Этот* мир, в котором мы живем и страдаем, познаем и радуемся, мир наших близких, дальних и врагов – он самодостаточен, он живой и сознательный, пугающий и непостижимый. А если мы даже на миг сходим с «полосы» человеческого восприятия в сторону, перед нами раскрывается невообразимая бездна иных пластов реальности. Кастанеда не рассуждает на космологические темы, но из контекста вполне очевидно, что мир им понимается как вечный и бесконечный. Здесь материя сама способна воспроизводиться и развиваться, и даже появление в более поздних книгах фигур, олицетворяющих высокие пороги бытия, скажем, «Орла», почти ничего не меняет в исходных установках автора. Мир у него не перестает быть материальным и насыщенным живой динамической энергетикой. Однако в этом мире материя плавно переходит в осознание, и наоборот. Можно сказать, что это недואльный мир, столь чтимый восточными мистиками.

...Судьба книг Кастанеды в России похожа на судьбу других произведений такого же толка. Циркулируя с 80-х годов в самиздатовских переводах, они с начала 90-х резко вышли на поверхность и мгновенно завоевали бешеный успех. Страна только что избавилась от идеологического диктата «классиков» и с жадностью ловила любое слово, повествующее о «путешествии в страну духа». «Слово» же Карлоса Кастанеды предлагало довольно стройный комплекс знания, внутренне логичный порядок объяснения мира и его преобразования в рамках индивидуального сознания. Вслед за появлением книг Кастанеды возникло множество групп его последователей, которые, пресытившись диктатом цивилизации, где-нибудь на лоне природы пытались отыскивать «места силы», заниматься «перепросмотром» и практиками *тэнсёгрити*. Ныне в любом нью-эйджевском магазинчике вы встретите объявления, приглашающие за определенную сумму посетить соответствующие семинары, на которых можно прибавить в «личной силе» или стереть некоторые неприятные черты «личной истории». Несмотря на то, что сейчас центр «хуанизма» сместился на Украину, где с 1993 г. стараниями

⁸ Указ. соч., с. 35.

издательства «София» были опубликованы все сочинения из «мира Кстанеды» и куда регулярно приезжают зарубежные авторитеты «силы», Россия продолжает оставаться влиятельным и развивающимся оплотом той картины мира, которая была описана в интересных и загадочных произведениях Карлоса Кстанеды.